

Глава из романа "Горнее и дальше"

Не знаю пока, почему именно с этого — мистического — хочется начать рассказывать тебе об обещанном — жизни без тебя, жизни вне тебя. Впрочем, что такое мистическое? Наверное, у каждого оно своё. И оно может так чётко, так жёстко вписаться в твою жизнь, врати в неё, точнее, вырасти из её нулевой точки — зародышевой, что тобою-то самим либо никогда не воспримется как мистическое, либо воспримется, но только на начальном этапе, а потом перестанет им быть, превратится в реальное, твоё, кровное. Это для других оно может быть мистикой, а для тебя — норма и реальность. Норма и реальность...

Вот и моё, мистическое, когда ко мне приплыло как реальность? Может быть, вскоре после рождения, как только научилась ходить? Потому что родилась-то уже с отметинной на нечто, не вписывающееся в норму. Это было довольно объёмное, с большой монету, красноватое пятно на щеке. Вот только на какой — правой или левой? — я напрочь забыла уже, потому что сошло оно, благополучно и до конца, даже сровняв долго её державшуюся опсину-рябинку, ещё тогда, когда я мало им интересовалась — значением его и топографическим расположением на физиономии моей.

А свели его вот каким интересным образом... Крошечная дева, то бишь я, только-только начавшая ходить, по совету одной мудрой женщины была взята за ручонку и полуволком-полудоброволю (у каждого из нас такая живая картинка может промелькнуть перед глазами, поскольку хоть раз в жизни приходишь наблюдать, как крошечных детей ведёт нормальный взрослый человек: ребёнок с высокозадранной ручонкой, прилипшей к руке взрослого, бежит-семенит, перебирая быстро-быстро ножками, чтобы поспеть за нормальным шагом ведущего его человека) притащена к месту прощания с почившего несколько часов назад старушкой. К месту, где ещё не началось финальное отпевание, где ещё не пахло ладаном и иными благоговениями, не раздавались голоса прощальных песнопений, и было только два-три посторонних человека, а остальные — близкие и родные усопшей. И там указательным пальчиком правой, пока ещё не окаменевшей в вечном покое руки притащенной крошечной девы, то бишь мне, притащившая меня драгоценная родная моя бабушка провела довольно большую окружность, тем самым заключив моё родимое пятно в некий заколдованный молитвой, или что там она ещё могла нашептать? — круг.

Руку с указательным пальчиком опять смиренно уложили на покой — на грудь усопшей. И так она к обеду следующего дня и ушла с моим родимым пятном в деревянном последнем пристанище своём под землю. Но пятну не так просто далось расставание с моей пухлой щёчкой, оно медленно-медленно, с пробуксовкой, теряло свой цвет и объём ещё в течение месяца-двух, пока ни исчезло совсем, оставив на своём месте — на всякий случай, на карауле — похожую на опсенную рябинку отметину.

Вот так... Возможно, это и была нулевая, стартовая точка мистики в моей жизни. Мистики, к которой я вскоре привыкла и воспринимала её как реальную норму, не более того. Впрочем, яркие проявления её пришли ко мне гораздо позже и оживили этот зародышевый росток, попили и удобрили его тоже с помощью человека, отошедшего в мир иной, — моего брата. Я расскажу тебе и об этом, но чуть позже.

А теперь вернёмся к нашим маленьким овечкам, то бишь — баранам. Очень хочется поведать тебе о самом феерическом даре моей подруги-мистики.

Хотя... знаешь, о чём я подумала сейчас? — О том, что самым блистательным даром её был именно Ты. Вот так и захотелось написать отчего-то — с заглавной буквы. Как и ты мне писал — с заглавной — в тех давних своих тоскующих и зовущих письмах. А я, списывая это то ли на недостаток твоей орфографии, в которой ты и малую и большую "т" писал именно так — из двух палочек, не более, то ли на достоинства твоей экзальтированной творческой натуры, тем не менее, замирала от удивления, удумления — и восторга — перед этим твоим заглавным "т".

Вот и теперь, из тех давних лет тот мой восторг бумерангом — Тебе.

Да! Конечно! Ты — главное моё блистательное мистическое сокровище!

Посему эта история, которую я начала излагать столь издаലെка, безусловно, не вершинное, но весьма и весьма неординарное явление этого дарственного порядка.

Барашки наши застоялись. Уж мекают призывно...

Да, судьба как будто вела меня — от тебя — именно под это крыло Сбережения.

Теряя тебя, — я думала тогда, что навсегда, насосемем, — эстафетной палочкой я была передана провидением далее — на другую дорогу, на иной путь. Начинался новый виток...

И наверное это обычное дело — пошёл он сначала на понижение. Но и об этом — чуть позже...

Сейчас же, чтобы приступить к раскрытию одного из важнейших и загадочных событий моей жизни, я должна с небес, моих и твоих, опуститься на землю и поведать тебе элементарную технологию своего подхода к нему. Медленного и постепенного.

Итак, с небес — на землю...

Станция была крохотной. С поезда я сошла уже где-то часов в пять вечера. Хотя какой вечер в это время в начале июля? Но странно, на самом деле это и было похоже на вечер. Иначе бы я не совершила последующий *подеиз* восхождения.

То, что это возможно будет именно подвиг, я знала ещё тогда, когда впервые столкнулась с той восторженной статьёй в некоем суперновом журнале, который, как я потом обнаружила, почил в бозе уже на третьем вдохе своего выпуска. Вдохе, оказавшемся и выдохом одновременно.

Помню только, что по прочтении этой статьи спазматический ком вдруг резко встроился в моё горло, и я разрыдалась — громко и горько, потому что была одна, без свидетелей...

Вряд ли об этом вспоминала бы сейчас, оживляя тебе эту историю, если бы опять не пережилась возвратный эффект — *дежавю*. Да, я расплакалась вновь, перечитывая — уже столько лет спустя — эту статью. На время отключилась от реальности, что позволило вспомнить ту самую первичную реакцию — много лет назад.

Что это было — тогда и сейчас? Слёзы высокого узнавания, внезапного подкинутого к некой почти забытой, теплящейся лишь глубоко в подсознании информации, или слёзы печали от невозможности реализовать, воплотить эту высоту в мире не то чтобы страшного разлома — тогда, но и более или менее восстановленном и даже, кажется, гармонизированном — теперь. Гармонизирующемуся, может быть, крошечными, прямо-таки миллиметровыми детскими (или инвалидными?) шажками. Тогда отчего слёзы-то сейчас, не только тогда? Секундные, но слезы, и ком в горле — далеко

не секундный, а тяжело и долго держащийся. Да оттого, наверное, что вспышкой, взрывом в памяти вздыбились те эмоции, те ощущения, наложившиеся на новое знание и новое чувствование очистительной радостью, гордостью, что прорыв озвучен, значит — осуществлен. Да, горы мусора и завалы хлама ещё впереди, но и свет, тепло, нежная лёгкая музыка открытий уже вот они — почти рядом. Ведь у времени нет прошлого, настоящего и будущего. У него есть только вечность, в которой можно прикоснуться ко всем этим ложно реальным его ипостасям. К их фрагментам, к их составляющим.

И вход в вечность был сейчас слегка приоткрыт... Но пока я брела по дороге. Вот она — реальная — прямо передо мной. Нет, не брела, а стремительно двигалась, летела, окрылённая целью, обозначенная...

Валентина ЕРОФЕЕВА

Арка Йимы, или История первая - мистическая

ченнойным одним кратким ёмким словом на сканированном крошечном кусочке военной карты-схемы. Карта была на квадратной миллиметровке, и когда мне её "дарили", то строго-настрою запретили о ней даже упоминать кому бы то ни было. Истечение срока давности позволяет мне "рассекретить" этот кусочек схемы, изъятый для меня — и только для меня целенаправленно. Ведь моего объекта на легальных нормальных картах не было вовсе. А на этом крошечном кусочке миллиметровой копии — он был.

И сосчитав несколько клеток от станции до цели, мы синхронно с дарающим воскликнули: да тут и десятки километров не наберётся!

Набралось... И десять... и двадцать... и тридцать... А может, и все сорок, если судить по времени, потраченному на передвижение.

А пока я только-только вышла с вокзальчика, где изучала расписание движения автобусов к моему объекту. Расписание-то было, а вот автобусов — уже не было. Потому что напознал шестой час вечера, и они должны были по провинциально-домашнему распорядку уже спать, а не развозить таких любопытных, как я, к разным там объектам.

Итак, был шестой час вечера. Вечера потому, что небо — серенькое, всё в равномерных, но неглубоко прорисованных сплошных облаках, — было щадяще, по-вечернему нежарким. Солнце — июльское, всё ещё высокое — вон оно желтеющим круглым диском зависло далеко не над горизонтом, — и возможно даже палющее, — оставалось там, за облаками.

Я шла радостно, легко... Потому что со мной был тот самый свет, который через слёзы, восторг и потрясение от прочитанного и увиденного через это прочтение, маячком жил и дышал впереди.

К тому же мой поход к этому маячку благоговела и *птица*, летевшая за нашим поездом. Летевшая долго, слишком долго для простой птицы... И летевшая — почти синхронно именно с моим вагоном, лишь иногда чуть приотставая или слегка выбиваясь вперёд.

Птица... А я совсем забыла про неё, ни разу не вспомнила за эти годы. Но ведь это было... Птица — была! Господи, пронзила меня догадка: я-то тогда недоумевала, отчего она почти синхронно всё время рядом — лишь чуть-чуть поодаль и сверху. А ведь этот скоростной полёт длился около часа, не меньше, и закончился только потому, что мы внедрились в очерединной туннель и довольно долго летели через его тёмный мрак, и там — на обратной, вновь освещённой солнцем стороне — птицы уже не было. Оно, видимо выполнив свою птичью миссию ещё до туннеля, не стала пролетать по-над ним, по-над мостом, а осталась там — дожидаться меня на обратном пути.

И наверное дождалась — через сутки. Увидела, что я цела, почти невредима, — и не стала около меня надолго задерживаться. Даже внимания моего не привлекла к себе, возвратной, ни на секунду. Не помню я её — возвратную. Она предполча невидимой, неузнанной, исполняющей своё предназначение, улетила по иным своим — сугубо птичьим — делам.

Птица, птица!.. А вдруг это та самая, после появления которой в финале того давнепроцитанного я и разрыдалась — теперь уж дважды, с перерывом на вечность — без тебя. И это был орёл — не чайка, как ошибочно определила я тогда — много лет назад. Откуда в степи чайка, так упорно преследующая мой поезд, мой вагон, моё окно?..

Конечно, это был тот самый *орёл*. Но он там, в давней той статье, не мог летать. Ведь ещё и оттого было больно и были слёзы. Но и будущие пенцы его — просматривались. Да, да и да! Это была не чайка... Это был орёл! Один из юных потомков *того самого*. Настолько юный, величииной со среднюю чайку, тоже бесконечно близкий мне, что я и спугнула ко моему окну, он был на достаточном расстоянии от него. Вот и спугнула — с чайкой.

Помнишь мои стихи, те самые, из которых ты сотворил песенку и пропел её однажды своим мягким несильным голосом?... А ведь по своим действиям исполнения это было никак не слабее Петра Лещенко или Вертинского, которых ты любил и знал досконально, и оттого в мастерской твоей постоянно звучали приглушённые их голоса. Они были родны тебе, близки, и ты встраивался в их ритм и тихо, не мешая им, солирующим, подпевал. Вот и здесь ты запел вдруг, так же негромко, будто приглашая кого-то встроиться — кого? кроме меня рядом никого не было, — и радостно-лукаво ожидая моей реакции.

Когда душа,
 Растерянная устав
 Борьбась с миром,
 Крылья опускает,
 И тинетноа сгущается едали
 И тянется удушливой рукою
 Всё покорить
 И всё поднять собою,
 Я подниму глаза —
 И две большие птицы,
 Уставшие от водной глади
 Морские чайки, — гордо и красиво,
 Серебряно блестя крылами,
 Вернут мне небо.
 И отступит мрак...

Вот кем была для меня — чайка, сопровождавшая и тот мой полёт. И лишь сейчас я сообразила — много лет спустя, что это не чайка, это юный орёл — потомок того самого орла. Его родич прямой, его отзвук, его созвучие, продолжение, расширение его...

А тогда, удивлённо благодарная, я рассматривала это явление *сопровождающего* как благословение на то действо, то деяние, к которому, ничего не зная и ничего не понимая

внешне, я глубоко и интуитивно приближалась все эти годы внутренне. И вот оно уже впереди... уже скоро...

Потому и летела — вперёд, к цели, означенной на моей секретной, только для военных, схеме на клетчатом листе бумаги.

Городок пристанционный я проскочила быстро. Тормознув на финальной остановке несущестующего автобуса у поворота на большую трассу и подождав минут десять с пропуском пары-тройки грузовых машин, я так же резко двинулась вдоль обочины вперёд — к цели, в радостной надежде, что всё равно кто-нибудь подхватит да и довезёт.

Шляпка от солнца, спортивная лёгкая одежда, от светлой маечки до новеньких голубых носочков, выглядывающих из новеньких же кроссовок. Положительно — я нравилась самой себе, уже предвкушая полный триумф и впереди.

В эти минуты я совсем забыла, что то место, куда я радостно — наконец-то! — стремилась, может не захотеть общаться со мной. Да, меня предупреждали и об этом, тогда, при первом — через прочитанную статью — знакомстве с ним. Как это — не захотеть общаться со мной?! Быть

прыгивая в новые кроссовки, — запоздало раскаялась я. Кто?!

И вот она уже там — на вершине. В эпицентре цели, если судить по клетчатой схеме.

Высокий и очень пологий холм, который все просматриваемые ею источники слишком громко называли горой. Да холм это, холм... Матвейкина шишка её родного села покруче будет, разрытая недавно некими археологическими изысками, и превращённая вскоре центральной сердцевинной своей в элементарную силосную яму. Как оказалось позже, эти раскопки были не реверансом в пользу голодающих, а обследованием одного из двадцати четырёх объектов. Её Матвейкина шишка оказалась гордищем, прожившим в забвении около пяти тысяч лет и наконец-то дождавшимся своего часа в первых упоминаниях о нём и его братьях — почти близнецах: о целом комплексе таких городов, раскинувшихся севернее километров на триста.

Но это было потом — узнавание тонкостей и звонкостей сюжета, а сейчас она плхнула — прямо на землю — на самой верхушке холма, вытянула стонущие от боли и негодования на

долгую, почти четырёхчасовую дорогу ноги. Их пришлось разуть и уложить на единственно возможную на этом холме *перину*: мелкие камешки, прибитые и прошитые мхом и крошечными растениями-восковыми.

Она разочарованно сорвала пару таких крошек и устроила их в рюкзаке — память о путешествии...

месяце лета; запахом, пряным и возбуждающим, уже почти сухих трав и цветов. Красота-а-а!.. Восторг!

Больше машин — не было... Попутных. Были встречные. Хотя нет, были и попутные. Из одной — легкой — торчали доски через приоткрытый задний, как его там называть? — кажется, не капот, а как-то по-другому... Вторая — была битком набита пассажирами. Третья — тоже какакой-то уважительная причина была не остановиться, потому водитель и улыбнулся виновато...

Ничего-ничего... успокаивала я себя. Солнце высоко — ещё успеется до заката; колодец недалеко — за плечами в рюкзаке была пластиковая бутылка с водой. Человек я тренированный: с раннего детства склонный к путешествиям пешком. Лет в пять, помню, приехав с матушкой в гости к её сестре в Среднюю Азию, ушла вдоль цветников ташкентского вокзала, где должна была караулить чемоданы до возвращения её из кассы, прямо по привокзальному проспекту километра на полтора, любящую открывающимися видами и обнюхивая все попадавшиеся по дороге цветники. Бедная мама моя с рыданиями металась сначала по вокзалу, пока кто-то из видевших беленькую девочку ни подсказал, где ей метаться дальше.

Мамочка, мамочка моя... я тебя люблю!.. Я кричу ей это сейчас туда, куда она ушла недавно впитывать аромат других, небесных цветников. Она это заслужила, моя мамочка... выловившая меня в то далёкое лето с рыданиями из кустов ташкентских роз...

А и пройдуся-ка до конца пешочком, решила я радостно, ещё на подъёме сил и возможности своих. Ведь по секретной схеме лишь десять километров до вождленного объекта. Хаживали бы и боле... Вот только трасса отчего-то делает почти перпендикулярный поворот влево от генеральной линии моего движения к победе. Ну и ладно, пусть делает, а мы тронемся напрямую — как в схеме — вон как раз просёлочная дорога туда вевтвится...

И полёт мой — продолжался. Но всё же я решила подстраховаться и уточнить маршрут, заскочив в высветившуюся блеснувшими крышами далеко сбоку от генеральной линии единственную на пути моём деревеньку.

Ах, как меня там встретили — в первом же попавшемся сельском дворе! А я ведь только попросила попить. Но то ли вид мой притомлённый был настолько красноречив, что поклялись меня искренне, забредшую пешком в такую даль, то ли предчувствовали дальнейшие мои испытания, только молодая чета, к которой я попала уточнить маршрут, помимо этого уточнения ещё убажила меня и трезлоны. Не помню, что ела, но помню, что вкусно. А вот финальное блюдо — полный восторг в середине лета! — прохладная райская простокваша...

Странный совет дали мне на прощание, махнув рукою на ближайший холм — конечную цель мою, до которой, по моим подсчётам, было километра три, от силы четыре. А вернётся-ка ты на трассу — вон по той дороге, — и там доберёшься, вас довозут, — сказали мне. Ничего себе! Вернуться на трассу, которая высветивалась издаലെка пролетающими по ней изредка машинами, только для того, чтобы тебя довели. Не пройтись эти оставшиеся километры пешочком — в удовольствие, а проехать, причём сделав перед этим порядочный крюк...

Я не понимала тогда всей мудрости этого неожиданного совета. Поэтому, отрицательно мотнув головой, распрощалась с моими кормильцами и благодарителями и отправилась дальше — к уже сияющей в зоне достижения вершине.

Но то ли слишком расслабилась за чайно-простоквашным столом, дав передохнуть ногам и голове, то ли по какой иной причине, но вдруг обнаружилось, что лететь по просёлочной дороге к уже маячившей невдалеке цели — трудновато.

Болеи ноги, вернее, ныли только ступни: кто же в столь дальние походы собирается,

валась она в голые без неё небеса. И излилась на них и на землю светом — приглушённым-матовым родственником солнечного.

 Всё, теперь можно всё! Теперь я не одна на этом пути — пусть и вкруговую. Сопровождающие меня лица — там, на небосклоне...

Ах, так хотелось бы тебе рассказать, что я, как козочка, вприпрыжку ринулась вниз и вправо с холма к покинутой трассе. Но нет, нет и нет... Ноги мои, с пяти часов вечера резво спрыгнувшие с вагонных ступеней, категорически отказывались так же резво длить уже ставший неормально многочасовым путь.

Но я дошла. Да! До поворота от селения к трассе.

Крошечный дребезжащий "Жигулёнок" догнал меня сзади, когда я уже разворачивалась на неё. Он осваивал ту дорогу-тропу, которая вела меня от камня через лес — в никуда. Временное никуда. Стоило мне набраться терпения и сил и всё же спуститься вниз по тропе, я увидела как крутой овраг и, выбравшись по дороге-тропе и из него, ещё ниже — сразу же — и вождленные огни.

Но... Мне нужен был камень, нужен был холм на его вершине, нужен был холм повторный, и Луна — с большой буквы восторга и силы, которыми она одарила меня. Это они встроили меня в чудо, что состоялось уже утром, на рассвете, непосредственно в том месте, куда так болезненно долго я стремилась...

Хозяин "Жигулёнка" оказался одновременно и хозяином мини-гостиницы в четыре пристроенных к дому комнаты. Комнаты были чистые — идеально. С простенькой минимальной мебелью — стул, тумбочка, кровать. Но комнаты-номера я увидела позже.

Подхваченная почти на выходе к трассе, пропутешествовала я с ним ещё часа полтора по знакомому уже селению: решались какие-то глубоко секретные ночные проблемы. Кажется, продажа левого бензина, к которому, видимо, у хозяина был более или менее свободный доступ. Блес! Роль контрабандистки мне даже понравилась. Ещё бы — меня опять напоили дармовым молоком, теперь уже не простоквашным, а свежим, вечерним.

Часам к трём добрались, наконец-то, до места. Я ещё в состоянии была приветствовать вновь и холм, и камень, и "ворота-арку"...

Всё последующее — на автопилоте: неостывшая ещё деревенская баня, лёгкий ужин — в разгаре-то ночи! И обрушение в чистую постель чистойшей комнаты. Из которой меня уже к шестой утра — вынули. По ночной договорённости с хозяином (он собирался сыграть ещё и роль гида) мы должны были выбраться туда, куда я так долго и упорно стремилась.

Да разве я одна? Ты — огнепоклонник, часть этих историй о поисках того загадочного места знал сам. И мог бы и мне рассказать их в своё время. Мог бы, и возможно рассказывал, но я не готова была тогда по-настоящему внимать тебе. И понимать тебя.

А вот теперь я рассказываю их тебе сама. Странно, правда? Я наконец-то чуть-чуть достаю до тебя... Или мне это самоуверенно кажется?

Вот оно — то место, куда я так стремилась!.. А эти-то камешки здесь зачем? Зачем мне эти спиральные детские игрушки?! Перешагну их и сразу войти в центр? — Ну ладно, поиграю и в камешки... Ведь это почти как в девчоночьи классики — прыг-скок, прыг-скок...

И я вхожу, встраиваюсь в спиральную дорожку из камешков не больше куриного яйца.

И умираю... Всё — меня нет!... Ещё два-три вдоха — слабых-слабых — и меня не будет! Я угасаю... гибну... нейтрализуюсь...

Как? И ради этого все страдания вчерашние ночные?! Ради этого мента двенадцатилетняя опасность сюда?! Чтобы здесь же и остаться... Нет, я не готова к этому. И гигантским, финальным — последним! — усилием воли я вырываю себя из этого состояния ухода... угасания... нейтрализации...

И сразу лёгкость неимоверная, уже знакомая — парящая, летящая.

И вот я в эпицентре высокого холма, на центральном камне спиральной дорожки. Этот холм, как и мой вчерашний знакомый, один из холмов семихольмья. Здесь это громко называется — гора. Но у меня есть своя Матвейкина шишка. Даже она — не гора. Поэтому здесь — семихольмье. И один из его холмов — подо мною.

Кто так мог чувствовать себя — так, как я сейчас? Разве что парящий, мощный, мудрый романтик Заратустра с его восторгом перед миром и Космосом. Или Державин, вслед за ним восклицавший: "Я царь — я раб — я червь — я Бог!"

Я же — маленькое бесполое существо женского пола, которое не допускалось к этому святому месту двенадцать лет и столько же последних часов вчера и сегодня ночью, которое чуть не убрало с дороги насосем только что, вдруг награжденное этим воздухом величия и радостной гармонии... Я высветилась вся им, впитывала его с благоуханием июльских, раскинувшихся передо мной земных просторов. Впитывала вместе с ним всю радость Вселенной — именно такую глыбу я ощущала в эти минуты, — всю её гордость за Божье творение — Богочека. Да, раб... да, червь... да, царь... да — Боже...

Я подняла глаза — там, высоко-высоко сверху, что-то происходило с небом, затянтым сплошными, почти сенными облаками-тучами. Как будто бросили камешек в воду стоячую. Пошли рябинки-рябинки пунктирные, как от расходящихся волн... Странно — мелькнуло у меня, и забылось в ту же секунду, так переполнена была иным — Вечным.

Выбравшись из спиральных оков — уже без приключений, устроилась на каменном стуле неподалёку, в восточной стороне холма. Камень был диким от ощущения, что он и вырос прямым из этого холма. Может, так и было, а может, отбесав и почти превратив его в мебель, тут же крепко-накрепко и вкопали, так что стал он собственностью холма, единым с ним существом.

Солнца — не было, оно лишь предполагалось чуть правее того места, на котором остановилась взгляд. Я хотела просто радостно отдохнуть, слегка освободившись от подаренных только что ощущений. И лишь затем впитать их, усвоить, осмыслить — надолго, навсегда. Я хотела лишь этого...

И не хотела... не ожидала того, что произошло потом. Взгляд мой просто отдыхал на небесной сфере чуть левее не видимого сквозь сплошные облака солнца. Он отдыхал... И вдруг то место, где он отдыхал — радостно отдыхал, — обнажилось одномоментно нежным, чистым и ясным голубым пространством. Оно было идеально чистым. Идеально ясным. Идеально голубым. И идеально круглым.

Это было — Око... Небесное Око. Небо раскрылось на меня ещё одним даром своим, не досмотренным мною только что — пару минут назад — сверху, от не успевших разойтись пуктирных кругов брошенного небесного камешка — моего взгляда...